

Род имен существительных и причины коммуникативных неудач пушту-студентов при изучении РКИ

© *Кучай Мир Сахиб джан (Афганистан), 2010*

В России и за рубежом известны работы профессора Ю.А. Сорокина, посвященные вопросам лакунизации и коммуникативных неудач [Сорокин 1989; Текст как явление культуры 1989]. Правда, научная традиция рассмотрения проблем носит европоцентристский характер относительно культуры и языка и создает тем самым лакуну в отношении языков и культур иных культурных ареалов. В своих работах мы хотели бы восполнить данную лакуну, восприняв и перенеся плодотворные идеи Ю.А. Сорокина в педагогическую и филологическую традицию Ирана.

Выбор данной темы и повышенный интерес к ней в среде преподавателей РКИ Кабульского государственного университета не случаен: это одна из проблем, с которой многие пушту-преподаватели РКИ сталкиваются в ходе многолетнего опыта преподавания русского языка как в школах, так и в вузах Афганистана.

Можно рассказать на занятии, что и в русском языке и в языке пушту имя существительное имеет категорию рода, но в самом процессе формирования навыков устной речи и перевода в афганской аудитории продолжают ощущаться большие трудности, касающиеся функционирования рода имени существительного в русском языке. Дополнительная сложность обуславливается тем, что наши студенческие аудитории зачастую носят смешанный языковой характер: на занятиях присутствуют носители двух языков – пушту и дари.

Существительное в языке пушту имеют два рода, а в языке дари почти полностью отсутствует грамматическая категория рода. В русском же языке имя существительное имеет четыре рода: мужской, женский, средний и общий. При освоении в практике преподавания устной речи и перевода возникают проблемы у носителей языка пушту и дари при изучении русского языка.

Наша работа посвящается контрастивному сравнению категории рода в русском языке и языке пушту с точки зрения методики преподавания РКИ в пуштуязычной студенческой аудитории. Цель контрастивного анализа двух языков – описание частичной грамматики, составленной из суммы различий между грамматиками исходного языка и языка-цели. Эта различительная грамматика находится в центре внимания дидактического программирования. Безусловно, это не означает, что сходные

между собой разделы грамматики двух языков не должны включаться в программу обучения. Это неизбежно привело бы к искажению представления студента о языке-цели. В любом случае эта частичная грамматика оказывает влияние на выбор и градацию учебного материала, определяя тем самым ступени обучения и последовательность подачи материала [Новое в зарубежной лингвистике 1989: 358].

Отметим также правомерность и возможность контрастивного сравнительного подхода к двум языкам. Пушту относится к иранской группе индоевропейских языков, русский язык к славянской группе индоевропейских языков, поэтому их грамматические категории можно сравнивать [Принципы описания... 1976: 105].

Крупнейший лингвист в области русского языка и языка пушту К.А. Лебедев – один из крупнейших специалистов в сравнительном изучении русско-пушту грамматических параллелей – обращает внимание на то, что в пушту «имя существительное – часть речи, включающая слова, которые обозначают предметы, явления, отвлеченные понятия и отвечают на вопросы *цок кто?*, *ць что?*» [Лебедев 2005: 21]. Под категорию имен существительных «подводятся слова, выражающие предметность и представляющие её в формах рода, числа и падежа» [Лебедев 2005: 46]. Афганские языковеды интерпретируют данное языковое явление, исходя из иных лингвистических исторических традиций несколько иначе. Именно в различии языковедческих традиций берет свое начало проблема когнитивных стратегий в освоении категории рода и в родном языке – пушту, и в языке неродном – русском.

Приведем трактовку категории рода в арабской лингвистической традиции, представленной именами Зяра, Риштина и Хвешкая: «названия вещей, качество и отвлеченных понятий» [Риштин 1991: 14]. А также: «имя это слово, которое в несвязи с временем может изображать разные предметы и явления» [Хвешкай 2001:35]. Зяр определяет имя так: «Имя – слово, которое на основании разного высказывания может выразить разные виданные предметы и явления, например, камень, дрова, мужчина, человечность, красота, здоровья, здоров» [Зяр 2003:20].

Дело, конечно, не в термине «предметность» (ибо предметность – это не что иное, как предмет в широком смысле слова; естественно, что значение предметности ставится в связь с грамматическими категориями существительного. Любое существительное, каким бы ни было его индивидуальное лексическое значение (портфель, улыбка, весна, усвоение, мягкость, четверг, трудящийся, пальто, мороженое), имеет значение предметности, благодаря своим грамматическим категориям. Формула имеет значение предметности более точна, чем «обозначает предмет». Последняя таит в себе опасность буквального осмысления, вызы-

вает представление прежде всего о каких-то вещах, материальных сущностях, делает неизбежным обсуждение семантики слов типа *усвоение*, *мягкость*. О них обычно говорится, что они обозначают действие в отвлечении от производителя и качество в отвлечении от носителя.

К сожалению, на сегодняшний день афганская система образования в плане подготовки учителей и переводчиков – двуязычных – русский-пушту не располагает адекватными учебными пособиями. Существует настоятельная потребность в создании сравнительной контрастивной грамматики пушту-русского языка.

В целях практических – преподавание РКИ в пушту-аудитории, будь то будущие учителя или переводчики, – необходимо создать корпус лингвистических ошибок студентов [Соснина 2006: 35; Biber 2002].

В методических целях контрастивно необходимо описать:

- отношение каждого слова русского языка к одному из трех родов мужскому, женскому и среднему (*дом* – мужской род, *комната* – женский род, *окно* – средний род);

- отношение каждого слово языка пушту к одному из двух родов мужскому и женскому (*котъ* ‘комната’ – женский род, *кор* ‘дом’ – мужской род, т. е. здесь можно видеть сходство, но в русском языке есть ещё и средний род, которого нет в языке пушту;

- отношение рода имен существительных, обозначающих живые существа, как в русском, так и в языке пушту к определяемому полу. К мужскому роду относятся слова по значению (названия существительных мужского пола): *хальк* ‘мальчик’, *плар* ‘отец’, *зой* ‘сын’ – эти слова и в русском, и в языке пушту относятся к мужскому роду; *хор* ‘сестра’, *мор* ‘мать’, *трор* ‘тётя’ – эти слова в обоих языках относятся к женскому роду;

- отношение к общему роду в русском языке, в котором существуют слова, сочетающиеся с существительными мужского и женского родов: *Врач пришел; Врач пришла, Он круглый сирота; Она круглая сирота.*

Л и т е р а т у р а

Зяр М. А. Грамматика языка пушту. – Пешавар, 2003. – 80 с.

Лебедев К. А. Афганистан: Язык, Литература, Этнография. – М., 2005. – 244 с.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 25: Контрастивная лингвистика. – М.: Прогресс, 1989. – 408 с.

Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. – 326 с.

Риштин С. Языкознание (грамматика языка пушту). – Кабул., 1991. – 180 с.

Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. – М.: Наука, 1989. – 140 с.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2010. – Вып. 41. – 112 с. ISBN 978-5-317-03257-9

Соснина Е.П. Корпусный подход к классификации и анализу лингвистических ошибок учащихся // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. – Ульяновск: УГТУ, 2006. – С. 32-35.

Текст как явление культуры / Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. – Новосибирск: Наука, 1989. – 197 с.

Хвешкай М.С. Фонология и морфология языка пушту. Мюнхен, 2001. – 320 с.

Biber D., Conrad S., Reppen R. Corpus linguistics: Investigating language structure and use. Cambridge, 2002. – 520 с.